

Глава 2. Подавление и Обучение

Среди последователей культуры Даосизма есть такие, в чьих жилах течет кровь Древних. Такие люди всегда обладали редчайшим талантом и выделялись из толпы, поэтому при рождении Небесами на них накладывалась печать подавления, препятствующая им в практике Дао.

Лин Сянь как раз был одним из таких людей. На нем были четыре разных печати высших существ: Печать Неба, Оковы Земли, Капкан Бессмертных и Божественный Запрет. Идеальная гармония этих печатей превращала мечту о практике Дао в бред сумасшедшего.

«Это все объясняет.» Казалось, Лин Сянь потерял надежду. Юноша нервно усмехнулся. «Как я могу бросить вызов богам, если они уже решили мою судьбу?»

Благодаря старцу, назвавшемуся Бессмертным, Лин Сянь узнал, почему он с детства не мог поглощать духовную энергию, а также то, что место, в котором он сейчас находился, было миром поглотившей его картины: Картины Девяти Бессмертных. Пронизанное плотной атмосферой духовной энергии, это место, казалось, не имело границ. Повсюду можно было увидеть сказочной красоты цветы и растения, каких не встретишь ни в каком другом мире, а водопад источал жизненную энергию. Это место казалось раем.

В другое время Лин Сянь бы тут же приступил к тренировке, ведь духовная атмосфера этого места была идеальной для практики Дао, но сейчас его мечты были разбиты вдребезги, а остатки надежды были поглощены отчаянием.

«А почему нет?» Старец воспарил в воздухе, ветер чуть разведал его белоснежное одеяние. Если бы не седые волосы, его можно было бы принять за молодого мужчину, который только что был возрожден. Лин Сянь резко поднял голову, его взгляд был плотно прикован к загадочному старцу.

«Вы знаете способ?» С нетерпением спросил юноша.

«Стал бы я утаскивать тебя в мир Картины Девяти Бессмертных, если бы не знал?» Светлая улыбка проскользнула на лице старца, которую он сопровождал поглаживанием бороды. «Твои четыре печати, конечно, очень сильны, но есть способ снять их. Не забывай, я, все-таки, Бессмертный.»

«Тогда я прошу Вас о помощи, великий мастер.» Во взгляде Лин Сяня снова промелькнула надежда. Возможность практиковать Дао была шагом к исполнению мечты всей его жизни. Даже если слова старца были ложью, юноша не хотел упускать возможность изменить свою судьбу. На самом деле, Лин Сянь не верил даже в то, что пожилой мужчина и правда был Бессмертным, хоть он и казался глубокомыслящим мудрецом, а Картина Девяти Бессмертных была орудием из древних легенд. К тому же, среди последователей Даосизма уже тридцать тысяч лет не было никого, кто мог бы парить в воздухе, как Бессмертные. Но ведь они не появляются среди обычных людей, поэтому, очевидно, Бессмертный не мог находиться в том

павильоне.

«Я могу помочь тебе, однако, ты должен дать мне кое-что взамен.» Осмотрительно произнес старец.

Лин Сянь замер: в его мыслях пронеслась ужасающая легенда, которую он слышал однажды.

«Вы собираетесь избавиться от моей души и занять мое тело?» Выпалил юноша, даже не успев подумать. Его слова возмутили старца.

«Я не могу поверить, что ты заикнулся об этом.» Воскликнул мужчина. «Разве я, легенда эпохи Цин, стал бы поступать настолько низко?»

«Я... я был глуп.» Поразмыслив, Лин Сянь все же решил поверить старцу. Все же, сейчас он находился в чужом мире и перед ним стоял тот, кто явно обладал высокой силой. Если бы мужчина и правда хотел занять тело юноши, он бы уже давным-давно сделал это без лишних разговоров.

Старец что-то недовольно проворчал, устремляя взгляд, который невозможно было прочесть, за горизонт. Долгое время он не говорил ни слова, но потом все же нарушил тишину, глубоко вздохнув.

«Мое имя Ляо Цан Цюн. Слышал о таком?»

Немного поразмыслив, Лин Сянь внезапно вспомнил это имя, он встречал его в древних книгах. Его зрачки расширились, он не верил своим ушам.

«Вы... легендарный алхимик Ляо Цан Цюн!» Старец, хмурясь, вздохнул в ответ на это восклицание.

«Время летит, все меняется. Не могу поверить, что кто-то все еще помнит мое имя.»

На протяжении всей истории Даосизма, имя алхимика Ляо Цан Цюна было легендой, которую невозможно забыть. Одержимый алхимией, он посвятил ей всю свою жизнь: уже в тринадцать лет он достиг Девятой Сферы и стал алхимиком Первой Сферы в сто два года. За это время он сотворил бесчисленное количество рецептов и различных видов Данов, а в конце своего пути ему удалось стать Бессмертным благодаря Дану Бессмертия, который он создал на вершине горы Тянь Шань. Потомки говорили о нем так: «Если бы небеса не даровали нам Ляо Цан Цюна, алхимия пребывала бы в вечной тьме». Было совершенно ясно: этот человек внес огромный вклад в искусство алхимии.

На лице Лин Сяня читалось крайнее удивление, юноша не мог поверить, что перед ним предстал тот самый алхимик. Только сейчас он всерьез задумался о том, что Бессмертный

действительно мог бы снять с него печати.

«Что же вы хотите получить от меня взамен на мою просьбу избавиться от печатей?» Спросил Лин Сянь.

«Унаследовать мою мантию. Я не хочу, чтобы работа всей моей жизни испарилась, как только исчезнет моя душа.» В голосе старца прозвучала скорбь.

«Ваша душа? Исчезнет?» Лин Сянь только сейчас заметил, как бледен и слаб был Ляо Цан Цюн, старец был только оболочкой без плоти и крови.

«Да. Облик, который ты видишь перед собой — лишь моя душа. Остальные восемь душ этой Картины Девяти Бессмертных все еще находятся в глубоком сне.» Прошептал старец.

Как же так? Как мог Бессмертный, получивший вечную жизнь, существовать лишь в форме духа? К тому же, как могли все Девять Бессмертных оказаться в такой ситуации? Лин Сянь вдруг почувствовал усталость, которая мешала ему хорошенько все обдумать. Все, что произошло с ним сегодня, юноша понимал смутно, многое оставалось неясным.

«Знаю, все это может быть за пределами твоего понимания, тем не менее, позволь задать тебе один вопрос.» Взгляд Ляо Цан Цюна стал серьезным, почти суровым. «Ты готов стать моим учеником?»

«Но...почему я?» Лин Сяня одолевали сомнения. Быть учеником Бессмертного, бесспорно, было огромной честью, которая была дана далеко не каждому, но факт того, что юноша был безо всяких объяснений, был втянут в Картину Девяти Бессмертных, что сам великий Ляо Цан Цюн хочет обучать его, заставлял Лин Сяня сомневаться, что все это происходит на самом деле. Все это было похоже на сон, казалось, он стал терять связь с реальностью.

«Обычный человек не может стать моим учеником. Называть меня мастером позволено лишь тем, на ком есть печати. К тому же, думаешь, то, что я встретил тебя как раз в момент пробуждения от глубокого тысячелетнего сна, лишь совпадение? Как по мне, это самая настоящая судьба.» С лёгкой усмешкой ответил старец. Ткань его белого одеяния развевалась на ветру, словно танцующая, а уверенная поза мужчины внушала доверие.

«Не могу поверить, что я, калека, получил такую похвалу от уважаемого алхимика.» Прошептал Лин Сянь. На его душе сразу стало легче, будто вся боль и страдания, что ему пришлось перенести в прошлом, стоили этого момента. Его невозможность культивировать, из-за которой юноше пришлось вытерпеть столько унижений, теперь делала его особенным для Ляо Цан Цюна. Судьба и правда была загадкой.

«Если ты согласен, то официально признай меня мастером. Отныне, ты мой ученик.» Старец одарил юношу ласковым взглядом, будто это навеяло ему воспоминания о прошлом. В ответ Лин Сянь преклонился перед мужчиной, сохраняя серьёзное выражение лица.

«Мастер, прошу, примите поклон от своего ученика.» С этими словами Лин Сянь трижды коснулся лбом земли в низком поклоне. При каждом таком касании, раздавался звук, похожий на звон колокола.

«Хорошо, хорошо. Вставай же, мой ученик.» Лицо Ляо Цан Цюна озарила добрая улыбка. Легкий взмах рукавом, и резкий порыв ветра поднял Лин Сяня с земли.

«Я снова прошу мастера помочь мне снять печати, чтобы я наконец смог начать практику.» В знак уважения юноша сжал руку в кулак, поместив его в чашу ладони другой.

«Хорошо, что я восстановил немного энергии после этого тридцати тысячелетнего сна, иначе я не смог бы этого сделать.» Ляо Цан Цюн коснулся указательным пальцем точки между бровей юноши. В ту же секунду задрожал весь мир: луна уступила место рассвету, облака пыли взвились в воздухе; казалось, земля и небо разрываются на две части.

Агония!

Его тело охватила жуткая агония, пронзающая сердце и обжигающая лёгкие. Юноша почувствовал всплеск мощной энергии, и, несмотря на то, что выглядел он хрупким, его разум был крепок и он пребывал в сознании. Казалось, боль будет длиться вечно, и он подумал о том, что предпочёл бы умереть, чем и дальше терпеть ее.

Внезапно раздался громкий крик. Тело Лин Сяня будто пронзали сотни ножей. Кровь хлынула из его рта, окрашивая его одеяние в багрово-красный, кровью же наполнились его глаза, она не переставала литься, пока юноша с ног до головы не покрылся ей.

«Держись!» Прокричал Ляо Цан Цюн, дотрагиваясь до груди юноши. Мир тут же перевернулся, а небо потемнело, весь свет будто был поглощён вселенной. Казалось, мир внутри Картины Девяти Бессмертных вот-вот рухнет, погрузившись в бесконечную тьму.

Треск.

Треск прозвучал в груди Лин Сяня, а над самим юношей образовалось тяжелое тёмное облако с сидящей на нём тенью, обволакивая его смертоносной аурой. Это было то самое божественное существо из Печати!

Ляо Цан Цюн нахмурился. Хоть мастер и не ожидал, что первая печать окажется настолько сложной, его это не сильно беспокоило. Сложив странный магический жест, старец рукой указал в небо и произнёс:

«Снятие Небесной Печати!»

Огромная ладонь появилась в небе и начала наносить удары сидящему на тёмном облаке

божественному существу, аура жестокости сопровождала её, от которой любой смертный бы затрепетал.

С каждым нанесенным ударом, луч яркого света пронзал тень. Облако засветилось, и вокруг божественного создания взвился ветер, создав защитный барьер.

«Ты просто тень настоящей Ловушки Богов, как смеешь ты быть такой самонадеянной? Будь у меня физическое тело, я бы тебя одним пальцем...» Прошипел Ляо Цан Цюн. Он бесстрашно взмахнул рукой, направляя все ветра небес в облако.

«Дао, Убийца Бессмертных!»

Из ниоткуда появился гигантский меч. Его лезвие было настолько острым, что, казалось, могло пройти через небо и землю и разрубить реки и горы, словно масло. Оружие застыло над божественным существом, готовое ударить.

Существо сбросило самодовольный вид, заметив убийственное намерение меча. Лезвие ярко сверкнуло, и облака тьмы начали рассеиваться, быстро исчезая. Внезапно тонкий луч света отразился от одной из теней и понесся обратно на землю, пронзив грудь Ляо Цан Цюна. Крови не было, но лицо великого мастера вмиг побледнело, став белым, словно простыня. Призыв меча без физического тела стоил ему огромных затрат энергии.

«Как она сильна... Я был уверен, что уничтожу все четыре печати, но мне едва хватает сил на разрыв одной.» Ляо Цан Цюн вздохнул. Хоть ему и удалось отдохнуть и восстановить силы с помощью Картины Девяти Бессмертных, он был слаб.

И снова с небес раздался звук колокола. Лин Сянь понемногу стал снова ощущать силу в своем теле. Его длинные волосы развевались длинной волной, а одеяние все еще было пропитано кровью, но раны быстро затягивались. Сила, что спала в нём на протяжении четырнадцати лет, наконец пробудилась. Несмотря на оставшиеся три печати, что сдерживали юношу, он уже чувствовал, как его потенциал вулканом бурлил в нем, пока спокойный, но стоит ему извергнуться — и всё вокруг погибнет.

Бешеная энергия Бессмертных бушевала вокруг него, наполняя юношу, укрепляя его, и сосредоточилась в его груди. Он прорвался к первой ступени Ци, потом ко второй и, наконец, третьей, после чего сила рассеялась.

«Какое чудесное чувство.» Лин Сянь все еще чувствовал энергию внутри себя. Поначалу слегка улыбнувшись, он не смог сдержать громкий смех. Хоть прорыв к третьей ступени Ци и был поводом для радости, гораздо более важным для юноши было то, что у него появились Духовные Глаза. Его левый глаз был чёрным, словно чернильное пятно, а правый белым, как снег. Это были Духовные Глаза четвертого ранга — Глаза Казни.

<http://tl.rulate.ru/book/4924/701709>